

Секция «История»

Феномен средневековой границы (на примере Гранадского эмирата и христианских пиренейских королевств в первой половине XV в.).

Астахов Марат Андреевич

Аспирант

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Исторический факультет, Москва, Россия
E-mail: marat1089@mail.ru*

В своём докладе я собираюсь рассмотреть особенности жизни людей и политики правителей в приграничных территориях в Средние века на примере последнего мусульманского государства на территории Пиренейского полуострова – Гранадского эмирата – и двух христианских королевств (Кастилии вместе с входившим в неё королевством Мурсия и Арагонской Короны). В своём исследовании я опираюсь на доступные мне источники первой половины XV века: различные документы (королевские письма и послания, отчеты чиновников, прошения представителей городов) из королевской канцелярии главного архива Арагонской Короны в Барселоне[13], отчёты о выплате жалования пограничной охране из главного архива Кастилии в городе Симанкас[5], документы из местных архивов городов Валенсии, Лорки, Ориуэлы, Аликанте, Мурсии, Хаэна [13] и др., кастильские хроники (в частности «Хроника Хуана II»[4]). Кроме того мной были использованы и литературные источники: так называемые «пограничные романсы»[8] (*romances fronterizos*). К сожалению, гранадские источники сохранились очень плохо, и о ситуации в эмирате мы можем судить, прибегая в значительной мере к кастильским и арагонским свидетельствам. На основании комплекса изученных источников я делаю вывод об особом феномене границы в Средние века, суть которого можно выразить в следующих положениях:

1. В отличие от принятого долгое время (вплоть до середины 1970-х годов[15]) в западной историографии утверждения о исключительно военном характере взаимоотношений христиан и мусульман в эпоху Реконксты особенно в приграничных землях, ситуация выглядит значительно более сложной и многогранной. Наряду со страхом местного населения перед опустошительными набегами, названными в историографии «гранадским неврозом» – хотя, справедливо отметить, что подобные действия совершались со стороны всех трёх государств, и даже двух христианских (Кастилии и Арагонской Короны) друг на друга – по источникам прослеживается желание большинства пограничного населения (не военных, а именно крестьян, горожан и ремесленников) жить в мире.
2. Сама Реконкиста в реалиях первой половины XV века не является чередой бесконечных военных действий и ширококомасштабных сражений наподобие битвы при Лас Навас де Толоса (1212). Её темпы сильно замедляются, не только из-за ослабления основных участников, но и благодаря успехам дипломатии, важным свидетельством которых было появление в конце XIII – начале XIV вв. так называемых «*treguas*» или «*trevas*» (букв. «перемирия», но не точно, так как открытых военных действий не было) – договоров о ненападении и торговых и военных отношениях между тремя государствами, предполагавших в том числе и взаимный

обмен пленниками[7]. Подобные договоры продлевались или подписывались вновь вплоть до конца XV века, а совершаемые локальные набеги и грабежи с трех сторон не являлись поводом для их расторжения. Кроме того, за политическое и экономическое влияние в Гранадском эмирате шла ожесточённая борьба между Кастилией, Арагонской Коронай[12], Генуэзской республикой[6], и в меньшей степени Португалией[3], которая, как ни странно звучит, способствовала выживанию на протяжении долгого времени (более 250 лет) Гранады, поскольку ни один из соперников не мог начать против неё открытую войну, зная что это приведёт к столкновению с остальными заинтересованными сторонами. Все это привело в конечном счёте к определенной стабилизации границы, появлению относительно чёткой линии крепостей и засек, развитию ремесла и торговли в приграничных городах. При этом для применительно к изучаемому времени ни в коем случае нельзя говорить о фиксированных государственных границах – реалиях уже Нового времени.

3. Показательно второстепенное значение религиозных противоречий на границе: в христианских государствах проживало многочисленное оставшееся после завоеваний мусульманское население (мудехары), в тоже время в городах Гранадского эмирата занимались торговлей и даже имели свои постоянные представительства христианские купцы. Если даже возникали стычки между представителями разных конфессий, то как правило они начинались с имущественных споров и затем могли перерасти (а могли и нет) в религиозные. В любом случае, власти стремились решать все возникавшие проблемы мирным путём в судах, а также пресекать любые попытки провокаций (например, намеренное распространение слухов о планируемом набеге). В то же время нельзя совсем не учитывать религиозный вопрос нельзя. Королевская власть всегда сохраняла подозрительность по отношению к мудехарам, которая особенно усиливалась во время гранадских набегов. Причиной этого была уверенность в том, что для мудехаров, которые были подданными арагонского или кастильского королей, основополагающим всегда будет критерий веры, а не подданства, то есть мудехар всегда предаст интересы своего сюзерена ради единоверцев-гранадцев[1]. Кроме того, сами набеги, преследовавшие исключительно цель наживы, совершались под лозунгами «борьбы с неверными», как той, так и с другой стороны.
4. Двойственная политика королевской власти. С одной стороны, кастильский и арагонский короли были заинтересованы в поддержании мирных и стабильных отношений на границе. Для этого пограничным жителям давались определенные привилегии, способствовавшие заселению приграничных городов[10], пресекались провокации, а в Кастилии вообще сложилась так называемая «гвардия мавров» – отряды из мудехаров и наёмников-гранадцев, которым было поручено охранять границы против тех же самых гранадцев или арагонцев[5]. Но в то же самое время королевская власть давала официальные лицензии на право грабежа так называемым «альмогаварам» – весьма специфической группе служилых людей, которые помимо охраны границ, осуществляли набеги на территорию соседнего государства (даже если жители были одной с ними веры) с целью захвата добычи, главным образом, пленников и скота[11]. Подобная политика королей в принципе

объяснима, поскольку альмогавары фактически представляли собой практически разбойничьи банды, которыми было очень тяжело управлять. Нужно было дать выход их устремлениям, иначе это могло обернуться мятежом. Кроме того, короли имела определённый доход с их набегов, хотя периодически издавали показательные указы о смертной казни, для тех, кто занимался грабежом, которые, видимо, не очень соблюдались.

5. Реальная жизнь на границе специфически соотносится с одним из главных жанров испанской литературы XV века – романсеро. Так называемые «пограничные романсы», создававшиеся, как представляется, представителями рыцарства, что называется «по горячим следам: сразу же после очередного набега или стычки с гранадцами, – воспевают рыцарские доблести, служение даме, войну с неверными и героическое спасение из их рук христиан. Кроме этого, сами гранадцы также иногда могут представать как доблестные воины, их хвалят за искусство верховой езды (Гранада действительно славилась своей отборной кавалерией), быт и обычаи мусульман рисуются подобно христианским (у них тоже, якобы, есть короли, турниры, кабальеро и т.д.), а их дома и сады вызывают восхищение (вполне традиционное для европейской литературы ещё со времён первых крестовых походов[2]). Гранада, мусульмане, все события на границе рисуются в романтическом и одновременно воинственном ключе, огромная часть обычной повседневной жизни остаётся как бы «за кадром». Пограничные романсы, таким образом, являются специфическим источником, мало дающим представления о реальной жизни, но зато рисующим другую, воображаемую границу, идеалистические представления о ней пиренейских идальго[9]. Кроме того, они соотносятся с общеевропейским представлением о Гранаде, и вообще о мусульманском мире: в охранных грамотах многих рыцарей из Франции, Англии, германских земель, Венгрии и Польши мы встречаем неизменную формулировку, что они едут в эмират либо упражняться в кавалерийском мастерстве, либо для борьбы с неверными[14].

Подводя итог сказанному, мы отметим что на приграничных территориях Арагонской Короны, Кастилии и Гранадского эмирата складывался своеобразный баланс интересов альмогаваров, мирных подданных и гранадцев, который, в конечном счете, обеспечивал относительный уровень стабильности. Подобный «status quo» не гарантировал, однако, какой-либо безопасности как для христиан, так и для мусульман: и те, и другие в равной мере могли быть захвачены в плен и проданы на ближайших рынках. На помощь в данном случае приходила дипломатия, одним из направлений которой, как с одной, так и с другой стороны, становилось посредничество в освобождении и выкупе пленников.

Исследованный нами сюжет будет не безынтересен для сравнения историкам, занимающимися схожими сюжетами в других частях Европы (например, границей между германскими и славянскими землями).

Источники и литература

1. Варьяш И.И. Правовое пространство ислама в христианской Испании XIII-XV вв. М., 2001, с. 32

2. Лучицкая С.И. Образ «другого»: мусульмане в хрониках крестовых походов. СПб., 2001.
3. Adão da Fonseca L. O papel de Granada no horizonte da politica peninsular portuguesa em meados do seculo XV. // Relaciones exteriores del Reino de Granada: IV del Coloquio de Historia Medieval Andaluza. Almería, 1987, p. 389–390
4. Crónica de Juan II de Castilla. Madrid, 1982.
5. Echevarría A. Knights on the Frontier: the Moorish Guard of the Kings of Castile (1410-1467). Leiden, 2009, (documentary appendix).
6. Heers J. Le Royaume de Grenade et la politique marchande de Gènes en Occident (XVe siècle). // Le Moyen Age. LXIII, 1957, p.93–97
7. Hinojosa Montalvo J. El reino de Valencia, frontera marítima entre Aragón y Granada // Actas del Congreso la Frontera Oriental Nazarí como Sujeto Histórico (S. XIII-XVI). Lorca-Vera, 2007, p. 413–414.
8. Los romances fronterizos. Granada, 1999.
9. Mackay A. Los romances fronterizos como fuente historica. // Relaciones exteriores del Reino de Granada: IV del Coloquio de Historia Medieval Andaluza, 1998, p. 280–281.
10. Mata Carriazo J., González Jiménez M. En la frontera de Granada. Sevilla, 2002, p. 149–158.
11. Rodríguez J. Captives and their saviors in the medieval crown of Aragon. Washington, 2007, p. 5–16.
12. Salicrú i Lluch R. El Sultanat de Granada i la Corona de Aragó, 1410-1458. Barcelona, 1998, p.152–161.
13. Salicrú i Lluch R. Documents per a la història de Granada del regnat d'Alfons el Magnànim (1416-1458). Barcelona, 1999.
14. Salicrú i Lluch R. Caballeros cristianos en el Occidente europeo e islámico. // Herbers K., Jaspert N. (eds.) «Das kommt mir spanisch vor». Eigenes und Fremdes in den deutsch-spanischen Beziehungen des späten Mittelalters. Münster, 2004, S. 217–230.
15. Serrano de Haro A. Sobre la historia de la diplomacia medieval española (reseña: Ochoa Brun M.A. Historia de la diplomacia medieval española, 3 vols. // Hispania. 184, 1993, p. 786–787.